

СМЕНА

ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ ТЕАТР!..

— КОНЕЧНО, я читал письмо зрителей, в котором они лихо раздвигаются с театром: король, мол, гол, и мы пойдем в кино... Не скрою — письмо меня задело. Хотя, в общем, все правильно написано — в самом деле театр сегодня не заставляет испытывать потрясений. И не только зрителей, но и нас, актеров. Что же из этого следует? Что нам тоже нужно всем бежать из театра в кино, на телевидение, которые не «отстали» от жизни? Впрочем, почитайте газеты — кино сегодня ругают больше даже, чем театр. Так что с ребятами, написавшими письмо, можно и поспорить.

Но дело не в этом. Будь я даже зрителем, я бы все равно так легко не отмахивался от театра сегодня. А может быть, театр стал таким, какой он есть, оттого, что сами мы стали неинтересными, разучились удивляться, волноваться?.. Мне-то, актеру, каково на сцене, когда в зале сидят такие умники, которых ничем не удивишь.

Театр — это то, что происходит с двух сторон сцены. Поэтому, если кому-то не нра-

вим собой. Когда я смотрю Янковского в «Полетах во сне и наяву», то готов заплакать оттого, что судьба мне такого материала не дала...

— А о сыгранных ролях вам бы хотелось сегодня говорить?

— Честно говоря, мне бы хотелось говорить о тех, которых я не сыграл: Ромео, Гамлет, Чацкий... Мне бы хотелось сыграть Ричарда III... В жизни я председатель профкома, член партбюро. И достаются мне роли, как правило, тоже положительные. А хочется попробовать себя в разных. И потом меня гораздо больше привлекает, когда герой не «крупным планом» положительный. Как-то больше веришь герою, когда нужно докопаться до его селлцевины, когда он ошибается, заблуждается, плуствует... Ведь театр не об отдельном человеке говорит, а вообще о Человеке. И этот человек должен быть состоящим...

— Я согласна с вашими размышлениями о положительном герое сегодня. Но, мне думается, ТЮЗ вслед за другими театрами «потерял» своего ге-

тов с залом. А ведь нечто подобное уже имело место на сцене Театра юных зрителей. И если вспомнить хотя бы вашего клоуна — дядю Колю, то невольно приходит мысль о такой подмене. Никто не говорит, что клоун — это плохо. Но клоун в драматическом театре — статья особая. Ваш Капитон вызывает симпатию как раз не тем, что в нем остались еще какие-то клоунические замашки, а живым чувством, которое в нем прорывается за фейерверком шуток и проказ. Мне кажется, в той роли вам удалось приоткрыть дверцу к тому «человеческому» в герое, за что вы так горячо ратуете. Причем это лучшее проявляется вовсе не тогда, когда ваш герой привычно проказит, а в «тихие» моменты, когда существование его на сцене освещается светом души, духовности... Мне бы хотелось видеть вас таким вот в роли нашего современника, в современной пьесе. Что вы думаете по поводу современной драматургии на сцене ТЮЗа?

— Что в такой пьесе я бы играл отца героя-пионера... Если серьезно, то, конечно, вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что современная драматургия дает театру интересный материал. Мне нравится драматургия Злотникова, Петрушевской. Они дают возможность выхода на высокие истины. Их пьесы ошибочно воспринимаются как бытовые — мне кажется, там больше просто о людях, о жизни как таковой. Нужно ставить о человеческих отношениях, о духовных связях... Пусть даже это кажется абсурдным в сочетании с прозой быта — на этой полноте как раз и должно строиться действие.

Наш спектакль «На два голоса», состоящий из коротких новелл современных авторов, уже не один год вызывает интерес у самой разной аудитории. Каждая воспринимает тот пласт, который ей ближе, понятней. Для театра главное — пробиться к человеку на эмоциональном уровне, а не рассказать ему историю, каких он сам немало знает.

— Скажите, а есть у вас сильные зрительские потрясения от театра? Когда в расчет не принимается тот факт, что вы актер?

— Есть. Одно из них я запомнил на всю жизнь, и принадлежит оно к раннему детству, когда впечатления всего сильнее врезаются в память. Меня повели в театр марионеток на спектакль «Гулливер в стране лилипутов». До сих пор осталось ощущение почти физического страдания от каких-то чудовищно-скупных кукол, от отвратительно-о, уродливого грима взрослого человека-кукловода...

А не так давно я пережил не менее сильное потрясение, но с другим знаком. Как-то во время белых ночей в Дворцового моста я стал свидетелем того, как группа молодых ребят прямо на асфальте танцевала «брейк-данс». Это было так красиво, неожиданно, свежо. Они так мастерски и разительно это исполняли. А главное, в этом было так много того, что мы называем «наше время». Я долго неходился под впечатлением. Причем, мне кажется, это был самый настоящий театр — вне стен, не связанный с пьесой, с режиссурой... Зрители получали информацию исключительно на эмоциональном уровне. Я как-то неожиданно много понял про сегодняшнее время, про сегодняшних молодых, про то, что же такое театр... То есть не понял, конечно, а почувствовал.

Беседу вела
А. КРАВЦОВА

Фото М. Мишина

НУЖНЫ ЖИВЫЕ ЭМОЦИИ

Беседа с артистом ТЮЗа имени А. А. Брянцева

Николаем ИВАНОВЫМ

вится то, что мы делаем, нам тоже может не нравиться то, как они это понимают. Не обязательно сразу проводить черту: актеры «обязаны», а зрители «имеют право». Нет, в театре мы должны быть на равных. Театр должен быть НАШ. И беды его — наши общие беды. И спасать театр нужно с двух сторон рампы...

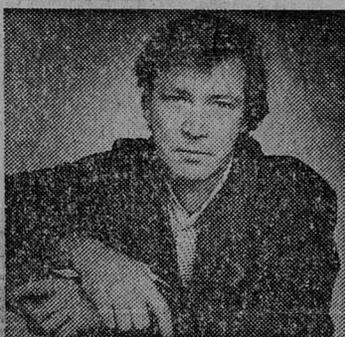
— И все-таки, Николай, чем вы объясняете тот факт, что спектаклей-событий стало чрезвычайно мало, что преобладают серые спектакли, о которых не скажешь даже, чем они плохи, а чем хороши?

— Я думаю, оттого, что «тихо» врать легче. В сереньком спектакле всегда можно «размазать», так что, в общем, непонятно — за кого ты или против кого? Что ты доказываешь: и что ты «спасаешь»? Боюсь, сегодня это уже стало общим местом — говорить о свежем ветре перемен во всех областях нашей жизни. Но если об этом говорится так много, значит, было по-другому. Значит, была ощущима рутинность, застой — все то, что губительно для жизни. И для театра. Потому что театр жизнь отражает.

Театр — это прежде всего страсть, порыв, безоглядность... Он начинает буксовать, когда «права жизни» — одни будни. Вы, конечно, обратили внимание, что, как резинка на эти будни, появились спектакли зрелищно-музыкальные... Театр искусственно создает «повышенный градус» проживания, ищет краски, которые бы отражали его пригону...

— Но, мне кажется, бесмысленно на сцене «рвать страсть в клочья», если эта страсть никакого отношения к современной действительности не имеет. Впрочем, это так же удобно, как невнятно бормотать, — и то и другое не отражает истины. Истина все же в правде жизни, какую бы она ни была. Задача театра как раз в том, чтобы предвосхищать грядущие перемены...

— Мне кажется, для того, чтобы подчинить зрителя, заставьте его прислушаться, актерское существование на сцене должно быть сумасшедше-страстным. Например, если бы мне сегодня предложили играть Горацию, я бы ушел от того, чтобы как-то «амортизировать» Гамлета. Мой Горацио сам был толкал его на поступок. Воспламениться зрителя можем заставить только мы. Если, конечно, сами горим... И если есть драматургический материал, дающий возможность подняться над са-

рою за общими рассуждениями о нем. Я не говорю, что герой этот должен быть с картинкой тридцатилетней давности. Но все-таки у него должно быть имя, он должен что-то совершить. Вы сами, кстати, говорите о том, что сегодня убедить способно только активное действие. А где оно на сцене вашего театра? Давайте обратимся хотя бы к двум последним премьерам этого сезона. Грустно, когда современным мальчишкам и девчонкам под знаком диккенсовского мира в спектакле «Сверчок в очаге» преподносят слэдэнский сиропчик «а-ля Диккенс». Из спектакля уходит как раз главное: действие, взаимоотношения между героями, конфликт, наконец...

— А я все-таки думаю, что хорошая литература — всегда хорошая литература, и радостно, что она пришла и нам в театр. Мне дорога и другая премьера этого года, хотя это тоже сказка, в которой вымышленные герои, обитая и место действия. Мой герой из спектакля «Перемечи печаль на радость», конечно, не подходит под параметры того активиста, которого вы хотите видеть на сцене. Капитон — хитрюга, проказник небезобидный: готов за нанесенную обиду лихо отомстить даже невинным... Но в нем есть какой-то очень здоровый дух, азарт жизни. Мы так часто называем театр кафедрой, что совершенно забыли, с чего театр начинался — со скоморохов. Мне и сегодня дорога каждая возможность проявить себя в этом ампула. Я люблю на элках играть Ивана-дурака, он же клоун. Мне кажется, в этом больше театра, чем в поучительных историях. Мой Капитон тоже в себе что-то несет это скоморошье — мне в нем есть дорожка, и играю я с удовольствием.

— Да, но не будем забывать, что скоморохи — это тоже искусство, а не пестрый винегрет из дешевого конфетанса и панибратских контак-